

Алексей Воротников

О правдистах – искренне

Алексей Воротников
О правдистах – искренне...

«Издательские решения»

Воротников А. А.

О правдистах – искренне... / А. А. Воротников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836322-1

Около четверти века своей жизни я отдал главной газете Советского Союза — «Правде». Был ее собственным корреспондентом по Саратовской и Пензенской областям. Считаю, что это самые счастливые мои годы. Судьба свела с огромным количеством одаренных, незаурядных людей. То были журналистские сливки страны. Чтобы не расплескать и не забыть те впечатления, мысли, раздумья, решил их оформить в виде эссе и заметок. И вот что получилось...

ISBN 978-5-44-836322-1

© Воротников А. А.
© Издательские решения

Содержание

I. Вспоминая коллег	6
Печерский Николай Павлович	6
Зимянин Михаил Васильевич	10
Афанасьев Виктор Григорьевич	13
Валовой Дмитрий Васильевич	17
Суконцев Александр Алексеевич	19
Домогацких Михаил Георгиевич	22
Губарев Владимир Степанович	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

О правдистах – искренне...
Алексей Александрович Воротников

© Алексей Александрович Воротников, 2017

ISBN 978-5-4483-6322-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Вспоминая коллег

Печерский Николай Павлович

Он был собкором «Правды» по Черноземью. Широкий в плечах, грузноватый, ходил как моряк, вразвалку, хотя на флоте не служил. Седеющая голова, кустистые, выжженные на солнце брови прикрывали хитрющие внимательные серые глаза. Я его мало знал. Наверное потому, что он не часто заходил в редакцию нашей воронежской «Коммуны», ну, а если заходил, то вокруг него сразу же собиралась довольно большая толпа моих коллег. Несколько раз и мне пришлось быть на этих посиделках. Надо отдать ему должное – рассказчик он от Бога. Знал уйму всяких историй, видимо потому что много ездил по стране, был полпредом «Правды» в разных ее регионах, сопровождал Никиту Хрущева в поездках по Средней Азии. Запомнились из того цикла две его крохотные устные миниатюры. Хрущев прибыл в Узбекистан. Его радушно встречал первый секретарь ЦК республики Шараф Рашидов. Обнялись, расцеловались. И Рашидов как хлебосольный хозяин предложил высокому московскому гостю программу на завтрашний день:

С утра, дорогой Никита Сергеевич, едем в колхоз имени Хрущева, а после обеда в совхоз вашего имени. Не возражаете?

Хрущев, – сказал Николай Павлович, – как-то быстро насупил, посерьезнел и отвечает Рашидову:

Слушай, Шараф, не надо называть колхозы, совхозы и другие предприятия моим именем. Как-то неудобно. А то скажут – боролся с культом Сталина и сам возрождает этот культ. Вот умру, тогда, пожалуйста, присваивайте мою фамилию там, где вы считаете нужным.

Рашидов развел руками и по-восточному хитро улыбнулся:

Это не моя прихоть, дорогой Никита Сергеевич, этого народ требует. Я выполняю только его волю.

И второй эпизод, сочно рассказанный Печерским. Рашидов, наметив маршрут передвижения Хрущева по республике, решил его удивить. Когда высокий гость будет проезжать по степи, навстречу ему вытянется колонна машин со строительными материалами: цементом, лесом, песком, квартирными блоками. И он, Шараф Рашидов, скажет первому лицу в СССР, вот, дескать, как под вашим мудрым руководством оживают степи, сооружение жилья идет полным ходом.

Так задумал лстивый восточный хозяин. Но Всевышний покарал шельму. Кортж с Хрущевым где-то задержался и строительной колонне дали отбой: отдохните, мужики, несколько часов. А мужики и рады: заглушили моторы, кто-то достал домашнюю еду, перекусывает, кто-то полез под машину спрятаться от раскаленного солнца, а кто-то стал дремать в кабине самосвалов. А когда Хрущев показался на горизонте и водителям колонны приказали срочно заводить моторы, то не у всех это получилось: кто-то завел, а кто-то нет. Колонна автомобилистов стала представлять жалкое зрелище.

Хрущев сразу же заметил и спросил у Рашидова:

Шараф, что там такое?

Строительные материалы везут. Степь оживает, Никита Сергеевич. Но, видимо, у кого-то поломка произошла. Вот и расстроилась автоколонна.

Хрущев вздохнул:

Хотел очки втереть?

Рашидов покраснел.

Все это Печерский рассказывал с упоением, в лицах, а глаза хитро блестя.

В Воронеже Николая Павловича боялись, как огня. Стоило ему появиться в обкоме партии, как во всех отделах перешептывались: «Корреспондент „Правды“ что-то замышляет. Лучше с ним не встречаться». Но встречаться чиновникам с журналистом все-таки приходилось, и потом об этом можно было прочитать в «Правде».

Николай Павлович любил писать острые разоблачительные статьи, фельетоны, сатирические зарисовки. И одновременно с упоением писал повести и рассказы для детей. Удивительно талантливый человек. К тому же добрый, щедрый, веселый. Общение с ним надолго оставалось в памяти.

И хотя я ним встречался крайне редко, но именно Николай Павлович сосватал меня в «Правду». Что послужило ему толчком для этого – не знаю. Может быть обратил внимание на то, что я довольно часто печатался в «Коммуне».

К тому времени я решил всерьез заняться еще и наукой. Начал собирать материалы для кандидатской диссертации по современной истории Центрального Черноземья. Поехал в Тамбов в местный архив. Проходит несколько дней и вдруг мне звонок из Воронежа. На проводе неожиданно для меня Печерский. В голове тревожная мысль: что-то, наверное, плохое произошло в моей семье.

Здравствуйте, Николай Павлович! Что-то у меня дома неладное?

Нет, Алеша, дома у тебя, слава Богу, все в порядке. Ты зачем приехал в Тамбов?

Собираю материалы для кандидатской диссертации.

Хочешь стать ученым?

Не знаю еще, как получится.

Пока приостанови свои научные поиски, возвращайся в Воронеж. Я тебя рекомендовал в «Правду», поедешь в Москву на смотрины.

Я онемел, во рту все пересохло.

Николай Павлович, но вы же меня совсем не знаете.

Что-то знал, кое-что коммуновцы о тебе рассказали. Так что поезжай в столицу.

Для меня это была полная неожиданность. Хотя годом раньше мне предлагали работу собкором редакции двух газет – «Сельской жизни» и «Известий». Я отказался. В «Сельскую жизнь» не захотел потому что был сыт по горло деревенской тематикой, мечтал попробовать себя в других отраслях. «Известия» для этого подходили как нельзя лучше, тем более у них освободилось место в корпункте Нижнего Новгорода. Меня вызвали в редакцию «Известий» и я три дня знакомился с ее сотрудниками. Они мне показались несколько надменными и даже высокомерными. Разговаривали со мной нехотя, точно по принуждению. И я себе сказал: здесь я точно никогда работать не буду.

И вот теперь «Правда». Для меня это заоблачная высота. Авторитет ее в стране был огромный. Люди, работающие там, мне показались небожителями. Уверен: любой журналист мечтал попасть в такой коллектив.

Когда я сказал своему редактору Владимиру Яковлевичу, что меня приглашают в «Правду», чтобы познакомиться, он ответил:

Я знаю. Мне об этом говорил Печерский. Что же, Алеша, я желаю тебе удачи. Трудиться в «Правде» великая честь.

Если возьмут.

А не возьмут, возвращайся назад, мне приятно с тобой работать.

У домашних особой радости тоже не было, что я отправлялся в Москву. Им не хотелось покидать Воронеж, где у нас было много друзей, знакомых, с которыми великолепно проводили свободное время. Когда собрал маленький чемоданчик и вышел к троллейбусной остановке, которая была рядом с моим домом, неожиданно подумал: «Может, зря я еду? Тут у меня все отлажено, хорошая работа, меня все уважают. А что будет там неизвестно».

И тут же себя одернул: «Меня приглашают в „Правду“. Какие могут быть сомнения?». И я на радостях отправился на вокзал.

Самое интересное, что меня поразило, когда я прибыл в редакцию первой газеты страны – это отношение к новому, неизвестному человеку. После традиционного вопроса «Как доехали?» последовало «Давно в Москве не были?». И когда я ответил, что да, давно, мне тут же предложили зайти в бухгалтерию, взять денег и поближе познакомиться со столицей. Я так и поступил. На целую неделю я превратился в беззаботного туриста. Побывал в «Третьяковке», в двух театрах – Малом и Вахтанговском, на ВДНХ, в цирке, в историческом музее. Впечатлений много и я, как бы пресытившись ими, неожиданно подумал: что-то редакция молчит, не забыли ли они обо мне? Решил о себе напомнить. Заведующий корреспондентской сетью Евгений Дмитриевич Киселев по отечески спросил:

Отдохнул? Будет, что вспомнить.

Это точно.

Приходи завтра, с тобой будут знакомиться редакторы отделов.

Несколько дней Евгений Дмитриевич водил меня по отделам редакции, начиная с партийного и кончая информацией. Правдисты – люди опытные, мудрые, дотошно расспрашивали обо всем: на какие темы люблю писать, что меня волнует, какие проблемы есть в сельском хозяйстве, в промышленности, в науке и как их надо бы решать. Старался отвечать подробно, но искренне. Будто побывал на исповеди.

Домой приехал и сразу же позвонил Николаю Павловичу. Обо всем ему подробно рассказал. Выслушав меня, он заметил:

Я звонил в редакцию, ты произвел хорошее впечатление. Теперь жди вызова в ЦК партии, там утверждают нашего брата – собственных корреспондентов «Правды».

На следующий день явился в «Коммуну», зашел к Евтушенко.

Ну рассказывай, Алеша, как съездил?

Пришлось повторить то, что говорил Печерскому.

Если тебя заберут в «Правду», – сказал он, – а к этому, видимо, все идет, честно говоря, не хотелось бы с тобой расставаться.

Лестно было слышать такие слова. Для меня самого «Коммуна» стала родным, дорогим домом. Люди здесь подобались творческие, интересные. И мне было уютно, комфортно с ними...

Став в январе 1969 года собственным корреспондентом «Правды», я неожиданно для себя понял насколько круто изменилась моя жизнь. В «Коммуне» я был с коллективом, где можно было обсудить различные новости, рассказать какую-нибудь байку или анекдот, над чем-то подшутить, отметить, наконец, чей-то день рождения, или просто попить кофе, чай. И все это в кругу коллег. А в Саратове я оказался в одиночестве. Семью из Воронежа еще не перевез и была такая тоска, что места себе не находил. Понял: спасение в работе. Я стал много ездить по районам двух областей – Саратовской и Пензенской. Писал репортажи и корреспонденции, статьи фельетоны. И очень часто звонил Николаю Павловичу, спрашивал у него совета, делился своими планами. Он был доброжелателен, тактичен. Если делал замечания по какому-либо материалу, уже опубликованному в «Правде», то старался меня не огорчить, не обидеть. Удивительный человек.

Вскоре Николая Павловича пригласили на работу в аппарат редакции, в отдел литературы. К тому времени он был уже известным детским писателем. Его книги регулярно издавались в Москве, в Воронеже, в сибирских городах. Его произведения постоянно публиковались в любимом детворой журнале «Костер». Мальчишки и девчонки зачитывались его повестями «Генка Пыжов – первый житель Братска» (по ней были поставлены спектакли в Омске, Братске и других городах), «Масштабные ребята», «Сережка Покусаев, его жизнь и страдания» (о веселом, неунывающем парне, который был горазд на разные выдумки),

«Красный вагон», «Будь моим сыном», «Восемьдесят восемь дорог» и другие. Им написано более двадцати книг. Не каждый писатель сможет похвастаться таким творческим багажом.

Как-то меня вызвали на стажировку в редакцию и предложили несколько недель поработать в отделе литературы и искусства, где уже трудился Печерский. Я был очень обрадован, потому что каждый день теперь мог видеться и разговаривать с Николаем Павловичем. Чудное было время. Он интересовался, как мне живется в Саратове, какие отношения с местной властью, что пишу, что меня волнует и беспокоит.

Незадолго до своей смерти 3 сентября 1973 года он приедет ко мне в Саратов.

Хочу посмотреть на Волгу, – скажет он. – И заодно узнаем с тобой, как живется здесь местным писателям, как работает Нижневолжское книжное издательство, какую продукцию оно выпускает.

Потом «Правда» опубликует об этом нашу совместную статью.

Зимянин Михаил Васильевич

В «Правде» существовала добрая традиция: с каждым новым собкором перед его отъездом в регион обязательно встречался главный редактор. Так было и со мной. Еще не видя Михаила Васильевича Зимянина, я уже знал о нем многое. Родом он из Белоруссии, в годы Отечественной войны – участник партизанского движения. В мирное время был послом во Вьетнаме и Чехословакии, работал заместителем министра иностранных дел СССР. После этого ему было поручено руководство газетой «Правда» и одновременно быть председателем правления Союза журналистов СССР.

Знал также, что в редакции за глаза его называют «Михвас», что он любитель шахмат и может сражаться часами, пока не одержит победу. И вот я в его кабинете. Передо мной невысокого роста худощавый мужчина, у него коротко стриженные серые волосы, густые брови. Взгляд внимательный, острый. Говорит быстро, точно изображая скороговорку. Он начал с того, что регион, куда я отправляюсь, является очень важным для «Правды». В двух областях – Саратовской и Пензенской – высоко развиты промышленность и сельское хозяйство, наука и культура, образование и здравоохранение.

На слуху у всех, – продолжает Михаил Васильевич, – саратовская система качества, мелиорация поволжских земель, строительство Балаковской атомной станции, пензенские животноводческие комплексы. Так что производственных тем для журналиста много, будет о чем писать. Но прежде всего «Правду» интересует людские судьбы, моральные и нравственные истоки народа, а также критика недостатков. Если заметил, мы довольно часто публикуем острые статьи, фельетоны, сатирические зарисовки. Приедешь на место, создай свой актив из талантливых людей, нам очень нужны умные авторы.

Зимянин на минуту умолк, потом сказал:

Первые секретари обкомов в твоём регионе – Алексей Иванович Шибяев и Лев Борисович Ермин – руководители авторитетные, уважаемые в стране, но это не значит, что ты должен находиться под их влиянием. У собкора «Правды» на все должна быть своя точка зрения. Иногда она совпадает с мнением местного начальства, а чаще всего – нет. Ты должен обладать объективностью и здравомыслием. Если в чем-то не уверен – не пиши. На страницах нашей газеты нужна только правда. Утомил я тебя своим наставлением? – улыбнулся Михаил Васильевич.

Я вам благодарен за все сказанное.

И еще учти: в обиду мы тебя не дадим. Только и ты редакцию не подводи.

Позже на своем опыте я вполне убедился в правоте слов главного редактора. «Правда» действительно старалась защитить своих полпредов на местах. Но при обязательном условии – если журналист был объективен и честен. Власти в регионах нередко старались приструнить, приручить, а то и подмять под себя непокорных, ершистых журналистов или найти на них компромат. Цель одна – чтобы меньше было критики. Нередко местные чиновники устраивали слежку за правдистами, прослушивали их телефонные разговоры. Бывали случаи, когда только что переданный острый материал в редакцию мгновенно становился известным в обкоме партии и оттуда доносился недовольный ропот, дескать, сколько же можно критиковать наш регион. И тогда на собкора «Правды» сочинялись недовольные письма, которые вскоре отправлялись в Комитет партийного контроля или в ЦК КПСС.

Через некоторое время из редакции раздавался звонок:

На тебя поступили жалобы, якобы, часто критикуешь область, а мы ответили, что у «Правды» к тебе претензий нет. Так что продолжай спокойно работать.

И это был бальзам на душу. Такая поддержка окрыляла.

На мой взгляд, Зимянин был больше дипломат, чем журналист. Вспоминаю случай, когда на одном из соборовских совещаний, которое проходило в Москве, схлестнулись редактор «Правды» по промышленному отделу Василий Александрович Парфенов и собкор по Донецку Дмитрий Филиппович Акульшин. Сыр-бор разгорелся из-за того, что Акульшин написал большую статью о проблемах шахтерской отрасли в Донбассе. Парфенов прочитал этот материал и отказался его публиковать. Причины, как мне помнится, были две: поверхностный подход к теме и слабая литературная разработка ее. Акульшин, естественно, с этим не согласился, и выступил на совещании с резкой критикой Парфенова, заявив, что Василий Александрович редко покидает свой кабинет и поэтому не знает конкретной жизни в регионах. Дмитрий Филиппович был одним из старейших собкоров «Правды» и считал, что вполне имеет право на такую критику. Парфенов резко ответил, что стаж работы в газете не дает права на написание слабых материалов. Я сидел и думал, как же Зимянин разрешит этот спор? Ему, как главному редактору, дороги и Акульшин, и Парфенов. На чью сторону он встанет, кого будет защищать, а кого ругать?

Михаил Васильевич поступил как истинный дипломат, он оказался как бы над схваткой, одновременно похвалив и пожуриив двух своих разгоряченных сотрудников. Похвалил собкора и промышленный отдел за то, что они взялись за разработку важной темы, она для «Правды» очень нужна, подчеркнул главный редактор. А раскритиковал их за то, что не сумели довести до нужной кондиции эту статью, чтобы она могла появиться на страницах газеты.

Спор прекращайте, – строго сказал Зимянин. – Через неделю эта статья должна быть у меня на столе.

И действительно вскоре она появилась в «Правде». Однако не всегда Михаил Васильевич был деликатным. После «Правды» его избрали секретарем ЦК КПСС. Вместе с М. Суловым он курировал идеологические вопросы культуры, образования. После него главную газету страны возглавил академик Виктор Григорьевич Афанасьев, открытый, добрый, творческий человек. Одним из заместителей у него стал доктор экономических наук, профессор Дмитрий Васильевич Валовой. Холеный, импозантный, к тому же острый полемист. И сразу же в «Правде» стали появляться его неординарные, вызывающие спор материалы. Особенно серьезный скандал разразился после публикации в трех номерах (10,11,12 ноября 1977 года) его статьи «Совершенствуя хозяйственный механизм». Нас, собкоров, тогда срочно вызвали в Москву. На расширенном заседании редакционной коллегии присутствовал новый секретарь ЦК Зимянин. Он сел в торце стола рядом с Афанасьевым. Сбоку от них – Валовой. Смотрю на их лица и на каждом вижу озабоченность, беспокойство. Зимянин наоборот очень мрачный, суровый. Губы сжаты, брови вздернуты. Весь его вид был воинственным, не предвещал ничего хорошего. Так оно и произошло.

Зимянин встал из-за стола и начал говорить, сначала медленно, потом все быстрее. Сказал, что страна только что отметила 60-летие Великого Октября. Наш народ достиг огромных успехов в экономической, социальной, научной и культурной сферах. И эти достижения нас радуют. К сожалению, есть и серьезные проблемы, в частности, в проведении хозяйственной реформы. И тут он перешел к статье Валового. Ее оказывается перепечатали ведущие американские и европейские газеты. Они смакуют наши недостатки, заявил новый секретарь Центрального Комитета. А мы, дескать, охотно подставляем себя под эту критику. Афанасьев и Валовой молча выслушивают нарекания в свой адрес. Дмитрий Васильевич даже немного побледнел, как-то сразу осунулся. Зато Зимянин увлеченно говорит и одновременно вышагивает вдоль стола. Юркий, подвижный он долго не может сидеть в кресле. Все соборовские совещания, которые проводил Михвас, были внешне похожи: члены редколлегии, сотрудники редакции и собкоры сидят, а он ходит и ходит. Так может продолжаться и десять, и тридцать минут.

Наконец Афанасьев не выдерживает и говорит:

Михаил Васильевич, Валовой не виноват. Это я ему поручил написать такую статью. Ругать надо меня, а не его.

Погоди, и до тебя доберемся, – продолжая шагать, раздраженно бросает Зимянин.

Михаил Васильевич явно не в духе. Его понять можно: «Правда» – орган ЦК КПСС и вдруг публикует статью, в которой четко предсказывается, что если не принять сейчас срочных мер, то советскую экономику ждет неминуемый развал. Если бы это писала буржуазная пресса, то черт с ней. А здесь вдруг «Правда». И если бы он оставался ее главным редактором, статья Валового не увидела бы свет. Михаил Васильевич был сыном своей эпохи, советской эпохи. Честный, добрый, благородный, он искренне верил в правоту своего дела, в правоту социализма. Он защищал тот строй и в годы войны, и в мирное время. Развал Советского Союза переживал с болью в сердце. Оттого, видимо, и раньше ушел из жизни.

Афанасьев Виктор Григорьевич

Помню в студенческие годы на семинаре по философии наш преподаватель посоветовал заниматься по книге Афанасьева «Основы философских знаний».

Этот автор, – сказал он нам, – участвуя во всесоюзном конкурсе на популярный учебник по философии, занял первое место. Учитесь по нему, не пожалеете.

И действительно учебник был написан доходчивым, ясным языком, сложные философские проблемы становились более понятными. Я, конечно, тогда не мог предположить, что пройдет не так уж много лет, и я не только увижу создателя этой популярной научной книги, но и буду работать под его руководством.

Виктор Григорьевич Афанасьев отличался от Зимянина не только внешне: высокий, спортивного вида, но и внутренне, он весь был в науке, поглощен ею. Она научила его удивляться многим вещам. Его поражало, например, почему в учреждение, пусть даже высокого ранга, нельзя прийти в джинсах и в рубашке с коротким рукавом, ведь на улице летняя жара? Или почему руководители некоторых республик, когда появляются их статьи в «Правде», считают строчки? И когда у одного из них их оказывается меньше, он тут же звонит главному редактору и высказывает свое недовольство. Я, кстати, был свидетелем одного из таких звонков.

Им что, больше делать нечего, как только считать газетные строчки? – недоуменно вопрошал Виктор Григорьевич.

Талантливый ученый он не вписывался в чиновничий мир, не мог играть по их правилам. Он ни под кого не подстраивался, говорил то, что думал. И эта самостоятельность, умение в разных ситуациях оставаться самим собой создавало ему авторитет в широких слоях населения.

В феврале 1979 года мне позвонили из редакции:

Завтра Виктор Григорьевич вылетает в Пензу на встречу со своими избирателями. От тебя ждем материал на эту тему.

Я знал, что наш главный – депутат Верховного Совета СССР от Пензенской и Ульяновской областей и довольно регулярно посещает эти регионы, чтобы узнать настроение, пожелания и наказания местного населения, отчитаться перед ними за свою депутатскую деятельность.

В аэропорту Виктора Григорьевича встречало все руководство Пензенской области. И это была не только дань моды, но и уважение к своему депутату. Актовый зал местного Дома политпросвещения, вмещающий около тысячи мест, был забит до отказа. Афанасьев вышел к трибуне и начал говорить.

На сколько рассчитано его выступление? – неожиданно спросил меня Георг Васильевич Мясников, второй секретарь Пензенского обкома партии.

Не знаю, – пожал я плечами.

Но вы же наверняка видели его доклад. Сколько в нем страниц?

Он по бумажке не читает, – ответил я.

Как это не читает? – удивился Георг Васильевич. – Все читают.

А он вот нет.

Не может быть. Генсек читает, министры читают. А ваш главный может без бумажки обходиться?

Выходит, что может.

Не верю, – стоял на своем Мясников. – Все равно достанет шпаргалку.

Нет, Георг Васильевич, не достанет. У него ее просто нет.

Тогда пари, – предложил Мясников. – Я за то, что он все-таки воспользуется написанным текстом. Он у него, наверное, в боковом кармане пиджака.

Пари принимаю, – и мы ударили по рукам.

А если нет текста, то сколько по времени он может выступать? – не унимался Георг Васильевич.

И час, и два, и три.

Мясников недоверчиво покачал головой.

Когда Афанасьев закончил свое выступление и раздались дружные аплодисменты, мы с Мясниковым одновременно посмотрели на часы. Доклад Виктора Григорьевича длился около трех часов. Безо всякой бумажки.

Я проиграл, – искренне признался Георг Васильевич. Об этом пари я тут же рассказал Афанасьеву. Он улыбнулся:

Каким же я был бы академиком, если бы по шпаргалке шпарил? Себя бы перестал уважать.

На прием в тот день к Афанасьеву пришло несколько десятков избирателей. Я внимательно наблюдал, как он разговаривает с людьми. Прежде всего внимательно выслушивал каждого посетителя, вникал в суть проблемы. И откровенно говорил, сможет или нет помочь человеку. Невыполнимых обещаний не давал. Из этих встреч главного редактора я для себя выбрал несколько тем, которые потом реализовал на страницах «Правды».

Среди нас, журналистов, авторитет Афанасьева был высок и не пререкаем. Что притягивало к нему и что привлекало в нем? Конечно, научная эрудиция и большая работоспособность. Довольно регулярно выходили в свет его труды. После популярного учебника «Основы философских знаний», который выдержал 24 издания и был выпущен за рубежом на 60 языках и удостоенный Государственной премии СССР, Виктор Григорьевич написал такие книги, как «Научное управление обществом», «Системность и общество», «Человек в управлении обществом», «Наука – беды и надежды», «Социальная власть», «Четвертая власть и четыре генсека» (от Брежнева до Горбачева в «Правде»), «Социальная информация» и другие. Каждая его публикация вызвала искренний интерес в обществе.

Виктор Григорьевич был человеком увлекающимся. Его полное погружение в науку и журналистику, казалось, не оставляло времени ни на что другое. Тем не менее, он влюбился в спорт, а точнее в водные лыжи. И стал их активным пропагандистом. Вскоре был избран председателем президиума Всесоюзной воднолыжной Федерации. Скорость по речной глади и водный простор давали ощущение полета. И ему ли это не знать и это не любить, ему, военному летчику.

Однажды катаясь на своих лыжах, он получил травму позвоночника. Врачи были единомышленны:

Все, откатался.

Но Виктор Григорьевич был другого мнения. И он преодолел недуг. Упорство нужно всегда.

Человек пытливого ума, чуткий, рассудительный, он довольно быстро завоевал авторитет у правдистов. О нем всегда говорили с почтением, с искренним уважением. И если у кого-нибудь возникала сложная ситуация, Виктор Григорьевич не рубил с плеча, а старался в ней разобраться, не наломать дров. Вспоминая подобный случай, который произошел со мной.

Валерий Иванович Болдин, редактор «Правды» по отделу сельского хозяйства переходил на работу помощником Генерального секретаря М. Горбачева. В редакции это стало главной новостью. Ее бурно обсуждали. Кто-то завидовал ему, кто-то нет. Потом все постепенно улеглось, успокоилось. И вдруг у меня в корпункте раздается звонок Болдина.

Алеша, та знаешь о моем новом назначении?

Да, слышал, поздравляю.

Спасибо. А звоню я тебе вот по какому поводу. Я хочу в ЦК предложить твою кандидатуру на мое место редактором «Правды» по сельхозотделу. Ты по всем параметрам подходишь. Не возражаешь?

Для меня это сообщение, как гром среди ясного неба. Не знал, что и ответить Болдину. Что умолк? – тербит Валерий Иванович.

Все так неожиданно. Надо подумать.

А чего думать? Короче, я буду предлагать твою кандидатуру.

Валерий Иванович, я вам перезвоню через пару дней.

– Хорошо.

Я повесил трубку и стал размышлять. Конечно, предложение очень лестное. Жить и работать в Москве – мечта многих людей. Я, естественно, не исключение. Но особого рвения у меня к столице, честно говоря, не было. Получится так получится, нет так нет. Единственное, что меня удерживало в Саратове, так это докторская диссертация. Более десяти лет я потратил на нее и отступать не собирался. Оставалось работы на полтора, максимум два года. Если я уеду в редакцию, то на научной работе надо поставить жирный крест. Редакционная жизнь, тем более в сельхозотделе – атомный котел. Материалы на аграрную тематику требовались в каждом номере «Правды». И о диссертации пришлось бы забыть, на нее у меня просто не было бы времени. Об этом я и сказал Болдину. Он не ожидал от меня такого ответа и буквально взорвался:

Мне твоя диссертация до фонаря. Мне нужен ты здесь. Ты меня ставишь в неловкое положение. Тогда разговаривай с Афанасьевым, – и он бросил трубку.

Пришлось ехать в Москву. Виктор Григорьевич сразу же спросил:

Что у вас с Болдиным произошло?

И я рассказал ему причину моего отказа. Афанасьев задумался и, взглянув на меня, ответил:

Я тебя понимаю: бросать научную работу не законченной – негоже. А с Болдиным я переговорю. Ты же заканчивай диссертацию и потом вернемся к разговору о твоём переводе в редакцию.

В феврале 1988 года я защитил докторскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в декабре того же года ВАК ее утвердил, выдав мне диплом доктора исторических наук.

К сожалению, с Афанасьевым я больше встретиться не смог. В октябре 1989 года Виктор Григорьевич покинул пост главного редактора «Правды». Его отставка была вызвана тем, что наша газета перепечатала статью Витторио Дзуккони из итальянской газеты «Република» об алкоголизме Ельцина «пьяный невоспитанный русский медведь, впервые очутившийся в цивилизованном мире» и как он там себя вел.

Уход Виктора Григорьевича был для всех правдистов ощутимой потерей. Он снова окунулся с головой в науку. Последней книгой в его жизни стала «Четвертая власть и четыре генсека».

Память о нем живет в тех людях, которые хорошо знали его. «Искатель истины с улицы «Правды» – такое название получил сборник воспоминаний о бывшем главном редакторе главной газеты страны, в который вошли 35 рассказов о философе, политике, добром, талантливом человеке, академике Российской Академии наук. Составитель сборника – дочь Виктора Григорьевича Ольга.

Постоянно дань уважения к нему высказывают его коллеги: ученые, журналисты, писатели. 3—5 февраля 2014 года в городе Клин прошли XII Афанасьевские чтения на тему «Социальное управление и общество в современной России: проблемы и тенденции развития».

Человек действительно жив, пока о нем помнят.

Валовой Дмитрий Васильевич

С приходом его в «Правду» на должность заместителя главного редактора тематика публикуемых материалов взяла резкий крен в сторону экономики, социальной жизни. Причем эти материалы были не сухими, насыщенные для убедительной доказательности разными цифрами, а сочными по языку, глубокими по мысли, аналитические статьи-раздумья и очерки о современном состоянии экономики нашего государства. Газета тем самым как бы приглашала своего читателя: давайте вместе подумаем, как мы живем, все ли делаем правильно, что нам не удастся и как решать возникающие проблемы?

Высокий, с копной седеющих волос, с прищуром внимательных глаз, Дмитрий Васильевич довольно быстро вошел в состав редакционных сотрудников и даже складывалось впечатление, что он, якобы, давным-давно работает в «Правде», а не в «Экономической газете». Доктор экономических наук, профессор, талантливый публицист, прекрасно владеющий словом, он стал находкой для нашего многочисленного коллектива. А вскоре ему поручили руководить внутренней собкоровской сетью, а это довольно солидная рать – более 60 корреспондентов во всех союзных республиках. Разные по возрасту, по характеру, по темпераменту, с немалыми амбициями, оторванные от редакции, они требовали к себе особого подхода, душевности, и Валовой сумел быстро завоевать авторитет среди многих коллег.

В редакции «Правды» было твердое правило: ежегодно проводить собкоровские совещания то в Москве, то на периферии. Для нас, находящихся далеко от столицы, от коллектива единомышленников это было очень важно. На этих совещаниях шел серьезный, нелицеприятный разбор твоего творчества: отмечались не только плюсы, положительные моменты, серьезные публикации, но и просчеты, неудачи. Такие встречи собкоров с руководством «Правды» давали хороший повод взглянуть на себя со стороны, объективно оценить свои возможности. К тому же мы обменивались многочисленной информацией. Москва нас обильно снабжала столичными новостями: о планах и реальных делах в высших эшелонах власти, часто из первых рук. У нас выступали А. Косыгин, А. Громыко, В. Кузнецов, работники Госплана, различных министерств и ведомств. А мы с мест давали ту правду, которую региональные чиновники редко доводили до Центрального Комитета и правительства.

Одно из таких совещаний прошло у меня в Саратове. Проводить его приехал Дмитрий Васильевич. Разговор у него с моими коллегами, приехавшими из Центрального Черноземья, Поволжья, Урала и части Сибири, получился довольно требовательным, но уважительным, объективным. Присутствующий на совещании первый секретарь Саратовского обкома партии Александр Александрович Хомяков неожиданно заметил:

Нам бы, партийным работникам, не грех поучиться у правдистов как вести диалог, обсуждать проблемы и принимать нужные решения.

Несколько дней мои коллеги познакомились с Саратовом и областью. Побывали на двух крупных промышленных предприятиях (сейчас их, к сожалению, днем с огнем не сыщешь, обанкротились и разорились), в пригородном овощном совхозе (тогда он снабжал миллионный областной центр своей чистой продукцией, сейчас же на прилавках магазинов только импортные огурцы и помидоры, картофель и яблоки). Очень понравились журналистам местные театры, музеи, особенно картинная галерея имени Радищева.

В один из вечеров я повел гостей в центр Саратова, на пешеходную зону – проспект Кирова. Раньше здесь ходили троллейбусы, теперь – только горожане.

Настоящий Саратовский Арбат. Не так ли? – спрашиваю коллег.

Точно, – отзывается Валовой. – Тебе, Алексей, задание: написать большую статью на эту тему. Будем собирать материал, разные факты вместе. Не возражаешь?

Конечно, нет.

Тогда завтра и начнем.

Действительно несколько дней мы с Дмитрием Васильевичем встречались с руководителями советских и хозяйственных органов, с местными жителями, задавали множество вопросов и обязательно один из них:

Вам по душе Саратовский Арбат?

И всегда получали лаконичные ответы:

Да. Хорошо, что в центре города сделали пешеходную зону.

Прекрасное место для общения.

Будем ходить сюда семьями.

Свою статью мы так и назвали – «Саратовский Арбат». Она вызвала немало откликов из разных городов страны. Авторы писем считали, что это хороший пример для других регионов.

С благодарностью я вспоминаю Валового еще и за то, что он дал мне очень хорошую характеристику для защиты докторской диссертации в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Защита тогда прошла успешно.

Дмитрий Васильевич – человек неординарный, творческий. И диапазон его творчества довольно широк. Он доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии Правительства РФ в области образования и поэтому, естественно, хорошо известен в кругу ученых. Но и среди журналистов Валовой – популярная личность. И эту популярность заслужил неустанным трудом. Четырнадцать лет он был первым заместителем редактора еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета», а в 1976—1992 годах заместитель и первый заместитель главного редактора «Правды». Талантливый публицист, со своим острым взглядом на жизнь, на экономические проблемы в стране, он сумел завоевать внимание огромной читательской аудитории. Автор более десятка книг, нескольких сотен статей, он умеет глубоко вникнуть в суть происходящих событий, волновавших народ и власть. От его резких, нелюбимых прогнозов ежилась чиновничий мир, обвиняя Валового в сгущении красок, нагнетании экономических катаклизмов. А он, чаще всего, оказывался прав. Так что бывают пророки в своем Отечестве.

Какие же его книги стали наиболее популярными у читателей?

Прежде всего «Экономика абсурдов и парадоксов», «От застоя к развалу», «От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша», «Человечество: вчера, сегодня, завтра». В этой научно-документальной повести Дмитрий Васильевич считает, что освоение космоса и открытие ДНК в корне изменили наши подходы к мирозданию и происхождению человека на Земле. Наскальные рисунки в разных странах как бы «ожили» и дали понять, что к нам все-таки прилетали инопланетяне. Зато современную обстановку в мире Валовой резко критикует и считает ее эпохой вселенской продажности. Все покупается и все продается. При таком подходе трагедии землянам явно не избежать. Но можно ли справиться с катастрофой? Автор стремится найти ответы на этот очень сложный вопрос.

С большим интересом читается также книга «Дерзновение», написанная Валовым в соавторстве с Г.Е.Лапшиной, о жизни и деятельности выдающихся революционеров и общественных деятелей.

Такова духовная продукция талантливого ученого и яркого, самобытного публициста.

Суконцев Александр Алексеевич

Как-то на одном из соборовских совещаний, проходившем в Москве, ко мне подошел коренастый мужчина с искрящимися веселыми глазами и доброй улыбкой.

Воротников Алексей? – спросил он.

Я кивнул головой.

Будем знакомы: Суконцев Александр Алексеевич. Мы теперь с тобой земляки: я тоже из Саратова.

Так я впервые встретился с известным фельетонистом. Хотя с его сатирическими вещами, публиковавшимися в «Комсомолке», в «Крокодиле» и в «Правде», я был знаком давно. В них мне нравился мягкий юмор, злая ирония, беспощадная сатира. Автор смело бичевал и издевался над всеми негативными явлениями. Он был не только талантливым писателем, журналистом, но и добрым, неунывающим человеком. Веселые истории, анекдоты вылетали из него, как из рога изобилия.

Всегда были таким? – как-то спросил я его.

Сколько помню себя – да. И на фронте, и в мирное время.

Позже я узнал, что когда началась война, Саша Суконцев учился на первом курсе историко-филологического факультета Саратовского государственного университета. А уже в августе 1942 года юношу призвали в армию и направили в Ульяновское военной училище связи. Войну завершил под Кенигсбергом. В мирное время закончил учебу в университете. Первые опыты в журналистике приобретал в местной областной молодежной газете, потом в «Комсомольской правде», став ее собственным корреспондентом по Саратовской области. С годами мужал талант молодого сатирика и вскоре его пригласили в журнал «Крокодил», а затем в «Правду» в отдел фельетонов.

Александр Алексеевич почти каждый год приезжал в Саратов. Здесь у него жили мать, сестра, двоюродный брат. Он безумно любил Волгу, рыбалку. Всегда звонил:

Алеша, приходи на уху.

Я знал, уха будет отменной, вкусной, наваристой, духмяной. Но еще я также знал, что за семейным столом Суконцевых услышу сочные, искрометные истории, байки, анекдоты, рассказанные веселым, умным Александром Алексеевичем.

Он просил и меня не проходить мимо любопытных событий, смешных фактов, невероятных случаев.

Всегда надо иметь с собой записную книжку, – убеждал он. – Ничего не пропускать. Память забывчива, а написанное слово останется, потом пригодится. Надо учиться у наших классиков – Толстого, Чехова, Горького, у советских сатириков – Ильфа, Петрова, Булгакова. И каждый день читать, наблюдать, сравнивать. Человек, пишуший таким образом, обязан тренироваться, как спортсмен. И тогда появятся ценные, уникальные, выстраданные тобой мысли. Кстати, Алеша, я дал себе задание в ближайший год-полтора прочитать всего Чехова. Каков замах?

Интересно, – ответил я. – Но я люблю каждый раз читать разных авторов.

Я тоже так всегда делал, а теперь решил произвести небольшой эксперимент. Главное, чтобы читать, не давая мыслям застаиваться.

Мы довольно часто перезванивались. Я рассказывал Александру Алексеевичу о Саратовских новостях, о делах в области, а он мне – о редакционной кухне, о столичных событиях. Однажды я ему поведал о том, как побывал на одной из сельских свадеб, которая длилась целых три дня. Сначала было все торжественно, празднично, умиротворенно. Были благостные речи, подарки, шампанское лилось рекой, не обошлось и без самогонки. Потом неожиданно-негаданно возник спор между сторонниками жениха и невесты: а чьих подар-

ков больше и в какую они сумму вписываются? Убеждали друг друга до хрипоты, а потом полезли в драку.

Отличная тема для фельетона, – сказал Александр Алексеевич. – У меня тоже есть подобные факты и наблюдения. Давай, Алеша, условимся так: ты пишешь свой вариант фельетона, а я свой. Потом объединим их вместе, обсудим каждую строчку. Не возражаешь?

Конечно, нет.

Тогда, земляк, за работу.

Совместные усилия не пропали даром: 23 июля 1978 года в «Правде» появился наш фельетон «Свадьба в три раунда». Я перечитывал его несколько раз, приятно было видеть свою фамилию рядом с фамилией известного сатирика.

Было еще несколько фельетонов за двумя подписями. Я учился у Суконцева поиску тем, разработке сюжетных линий, точности и краткости языка. Он был очень наблюдательным, остроумным человеком.

Фельетонист, сатирик никогда не останется без работы, – не раз повторял он. – Потому что вокруг нас каждый день происходит столько событий: ироничных и грустных, веселых и злободневных – только успевай записывать.

И делал он это с увлечением, мастерски. Помню, я получил новую квартиру в Саратове. Александр Алексеевич меня тут же поздравил с новосельем.

Уже обмываешь квадратные метры? – пошутил он.

Пока не успел. Вот мебель новую завез и расстроился.

Почему?

Оказалась с дефектом. Придется возвращать в магазин.

Алеша, чувствуешь, фельетон наклеивается?

Пожалуй, вы правы.

Пришлось набирать факты о выпуске плохого качества не только мебели, но и одежды, обуви, посуды на предприятиях Саратовской области. И в «Правде» вновь появился наш совместный фельетон «Сюрприз семье».

Александр Алексеевич был довольно плодовитым сатириком. Чуть ли не каждый год из-под его пера выходили сборники фельетонов, рассказов, повестей. Достаточно вспомнить такие его книги, как «Барышня и хулиган», «Бес в ребро», «Два окна на Арбат», «Наш человек в столице», «Станный какой-то», «У эпохи на виду», «Часы без стрелок», «Чем жив дармоед» и другие. По моим подсчетам таких сборников у Суконцева около тридцати. Хороший показатель для юмориста и сатирика.

Его влекли и другие темы. Вместе с ответственным сотрудником Прокуратуры СССР Н.В.Жогиным он выпустил две книги: «Обвинение предъявлено» и «По следам преступлений», в которых рассказывалось о борьбе с мафией и коррупцией.

Как-то встретившись в редакции в очередной раз, Александр Алексеевич поделился со мной интересной задумкой:

Понимаешь, на днях в архиве перебирал старые, еще дореволюционные и первых советских лет номера «Правды» и наткнулся в них на заметки и корреспонденции из Саратова. Знаешь, очень поучительные, заставляющие о многом задуматься. Там о Чернышевском и о крестьянских волнениях, о голоде в Поволжье и об индустриализации, об ученых и театральных деятелях. И мне пришла такая мысль, а что если отталкиваться от тех сообщений, рассказать о современном Саратове, о его жителях, об их устремлениях, труде, быте. Пройтись по этим адресам.

То есть совершить своеобразное путешествие вглубь истории и показать нынешний день волжан?

Точно.

Там будут очерки, зарисовки, встречи с людьми.

И обязательно фельетоны, – улыбнулся Суконцев. – Как же без них. Иначе скучновато придется.

Так мы и решили. Несколько месяцев напряженной работы и в Приволжском книжном издательстве появилась наша совместная книга «Правда писала...». Она и сейчас стоит у меня в шкафу, занимая видное, почетное место.

Домогацких Михаил Георгиевич

Впервые я о нем услышал в редакции воронежской «Коммуны». Старые сотрудники рассказывали, что после окончания Центральных газетных курсов в Москве, Михаил Георгиевич Домогацких работал у них.

Очень способный журналист и славный, добрый парень, – с восхищением говорили о нем коммуновцы. – Вон куда взлетел. Знай наших: он теперь собкор «Правды» по Африке. А до этого работал в Китае.

Уже тогда незнакомый Домогацких становился для меня легендой.

В «Коммуне» о нем знали все или почти все. Воевал под Москвой. Осенью 1941 года был тяжело ранен. А когда выздоровел, попал в воздушно-десантные войска. После второго ранения был демобилизован, закончил исторический факультет Воронежского госуниверситета. Вскоре стал редактором областной газеты «Молодой коммунар». С этой должности его направили на учебу в Высшую дипломатическую школу МВД СССР. Учился на восточном факультете.

С тех пор мы его практически не видим, – сокрушались коммуновцы. – Он стал работать корреспондентом «Правды» в Китае, учился два года в Пекинском университете.

Мои коллеги по «Коммуне» тщательно отслеживали все пути-дороги своего бывшего сотрудника. А когда в «Правде» появлялись его статьи, корреспонденции и репортажи, то этот газетный номер ходил по рукам. Всем было конечно интересно, где находится Михаил Георгиевич и о чем он пишет. Я тоже пристрастился к чтению его материалов. Так продолжалось несколько лет.

Впервые я увидел Домогацких в редакции «Правды», когда у нас проходило очередное соборовское совещание. Руководство газеты, собирая своих полпредов из регионов, правильно делало, снабжая нас различной информацией не только внутренней, но и международной. Почти регулярно у нас выступали коллеги из-за рубежа: Борис Стрельников (из Вашингтона), Аркадий Масленников (из Дели), Евгений Григорьев (из Бонна), Николай Прожогин (из Рима), Михаил Домогацких (из Ханоя) и ряд других. Они нам открывали другой мир: интригующий, загадочный, экзотичный, со своими достижениями и проблемами. Слушать их всегда было интересно и вопросы к ним сыпались, как из рога изобилия. Вот в один из таких моментов, когда Домогацких закончил отвечать на все просьбы и вопросы моих коллег, я подошел к нему и мы познакомились.

Мне о тебе рассказывали коммуновцы, – улыбнулся Михаил Георгиевич. – Рад, что тыполнил ряды правдистов.

– И о вас я впервые услышал от сотрудников «Коммуны», – сказал я. – Они очень гордятся вами.

У меня с ними взаимная любовь.

Вспомнили старых коммуновцев – Федора Федоровича Шаталова, Михаила Николаевича Морева, Льва Григорьевича Райскина.

А ты откуда, Алексей, родом? – неожиданно спросил меня Михаил Георгиевич.

Из Усмани Липецкой области.

Серьезно?

Конечно.

А я из Добринки, она всегда входила в Усманский уезд.

У меня отец родом из Добринки.

Ну, слушай, тесна земля.

Вот так мы и познакомились. Позже я прочитаю его проникновенные, идущие от сердца добрые слова о своей родине:

«Добринка – самое дорогое место на земле. И хотя я жил в десятках стран мира, видел много удивительных мест, но маленький клочок земли на карте под названием Добринский район всегда был в моем сердце и звал к себе. Здесь прошло мое нелегкое детство, здесь я получил на всю жизнь понятие о доброте и уважение к своей малой родине, в Добринку я приезжал при первом удобном случае».

В давние незабываемые советские времена редакция «Правды» в период подписной кампании регулярно проводила фестивали, конференции, встречи с читателями. Не обошла эта участь и мой регион.

Когда мне сообщили о дате проведения конференции в Саратове, я поинтересовался у редакционных сотрудников:

Где сейчас Домогацких: за границей или в Москве?

У него сейчас отпуск, – ответили мне, – и он проводит его в столице.

Я очень обрадовался и попросил соединить меня с ним. Вскоре уже разговаривал с Михаилом Георгиевичем. У меня к нему была только одна просьба: не сможет ли он приехать на конференцию от международных? Дело в том, что в проведении таких встреч с читателями в регионах участвовали, кроме собственных корреспондентов, один-два представителя от внутренней редакции «Правды» и обязательно еще международник. Это придавало весомость и большой интерес к подобным мероприятиям. Тем самым мы выполняли и просьбу наших читателей, которые хотели встретиться с известными правдистами, задать им различные вопросы.

А когда конференция? – поинтересовался у меня Михаил Георгиевич.

Я назвал дату.

– Пожалуй, приеду, – согласился он.

Лучшего ответа я не ожидал.

На вокзал встречать Домогацких со мной поехал секретарь обкома партии по идеологии Валентин Матвеевич Черных. И тут произошла интересная сцена. Когда московский поезд подошел к перрону, я увидел выходящего из вагона Михаила Георгиевича. Мы обнялись, я стал расспрашивать как он доехал.

Спасибо, все хорошо.

Московский гость: худощавый, среднего роста, в очках, одет скромно. На нем спортивная куртка, серая фуражка. С виду рыбак или грибник. И Валентин Матвеевич, видимо, так и подумал, что встретил знакомого рыбака. Он неожиданно стал меня теребить:

Алексей Александрович, с приятелем потом поговорите. Как бы нам не пропустить Домогацких.

Я невольно рассмеялся:

Валентин Матвеевич, знакомьтесь – вот это и есть Михаил Георгиевич Домогацких.

Черных удивленно развел руками:

Не шутите?

Нисколько, – покачал головой Михаил Георгиевич. – Я и есть Домогацких.

Извините, – Валентин Матвеевич никак не мог прийти в себя. – В моем представлении Домогацких – человек-гора, сажень в плечах.

Как видите, я далек от вашего богатырского образа. Будем знакомы.

Черных смущенно пожал его руку и долго еще тяжело вздыхал.

У Домогацких на саратовской земле было запланировано несколько встреч: перед жителями областного центра и города Энгельса, а также перед работниками обкома партии и облисполкома. Как я заметил, каждая встреча состояла из двух частей. Сначала Михаил Георгиевич рассказывал об особенностях работы собкора «Правды» за рубежом. На это, как правило, уходило около часа времени, затем вторая часть – ответы на вопросы. И этих вопро-

сов чаще всего было несколько десятков. На каждый из них Домогацких давал исчерпывающий ответ. По времени на вторую часть выступления уходило у него от трех и более часов.

Что мне запомнилось?

Прежде всего то, что работать правдисту за рубежом безумно интересно, очень ответственно и небезопасно. Михаил Георгиевич привел несколько примеров. В одной из африканских стран, где уже несколько лет находился его корпункт, было нападение в духе древних аборигенов.

Я сижу на веранде, пишу очередную статью, – рассказывает журналист. – Все тихо, мирно и вдруг – дзынь, с треском разлетается застекленное окошко и в нескольких сантиметрах от меня вонзается в стену обыкновенная стрела. Только начиненная ядом. Выбегаю наружу и слышу лишь шум автомобильных колес. Машина, из которой вылетела стрела, срывается с места и исчезает за поворотом. Вот такая случается дикая охота на иностранного журналиста. Узнать заказчика и исполнителя покушения практически невозможно. Значит, я в этой стране и неофициально объявлен персоной нон-грата. Поэтому делаешь соответствующий вывод.

В память врезался и другой эпизод, рассказанный Михаилом Георгиевичем.

Собкоровская жизнь за рубежом это постоянные перемещения, поездки из одного государства в другое, – заметил он. – Газете всегда нужны оперативные и аналитические материалы из твоих регионов. Поэтому засиживаться на одном месте долго не приходилось. Как-то прилетаю в небольшую африканскую страну, в аэропорту покупаю пачку свежих газет. Надо же насытиться свежими новостями. Раскрываю первую попавшуюся газету и у меня глаза на лоб полезли. Во всю первую полосу мой портрет и вверху надпись: «К нам сегодня прилетает русский шпион Михаил Домогацких». Посмотрел я на свое фото: похож, ничего не скажешь. И пошел в кассу покупать обратный билет.

Из рассказов Михаила Георгиевича на встречах с читателями я впервые узнал, что он был переводчиком у Хрущева и Мао Дзедун.

Можно поподробней? – просили его волжане.

Можно, – улыбался журналист.

Переговоры между двумя лидерами велись на официальном уровне и не на официальном, как говорится, без галстуков: на пешеходной дорожке, на скамейке, в бассейне. О чем же шла речь?

Мао Дзедун просил у Никиты Сергеевича атомную бомбу, – заявил Домогацких. – При чем просил довольно настойчиво.

А Хрущев?

Конечно, отказал. «Зачем, говорит, Китаю такая бомба? Достаточно того, что она есть у нас, в Советском Союзе. Если что, мы Китаю всегда поможем, не оставим в беде».

Как же на это реагировал Мао Дзедун?

Обиделся. Потом стал умолять дать хотя бы одну-две подводные лодки с атомными реакторами. Но Хрущев был непреклонен. Это и послужило, видимо, началом серьезной размолвки. К тому же Мао не мог простить Никите доклада на XX съезде партии о развенчании Сталина. Китайский вождь был верным учеником и последователем Иосифа Виссарионовича. Китайцы, – продолжал Домогацких, – нация гордая и легкоранимая. Общение с ними требует не только такта, деликатности, дипломатии, но и уважения к их великой стране, древней культуре. К сожалению, наши руководители не всегда это учитывали, считая Китай младшим братом СССР, пытаясь всячески поучать их лидеров. Иногда дело доходило до курьезов, просто анекдотических ситуаций.

И Михаил Георгиевич поведал два любопытных факта. Это было во время официального визита в КНР Председателя Президиума Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова. Когда китайские товарищи повезли нашу делегацию по улицам

Пекина, Ворошилов, увидя иероглифы на зданиях, где размещались магазины, столовые, кафе, школы, больницы, неожиданно для всех спросил:

А вы до сих пор еще пользуетесь иероглифами?

Сопровождающие высокого гостя китайцы натянуто улыбнулись, не понимая, шутит он или нет. Домогацких сразу понял, что Климент Ефремович, конечно, не шутит, и тут же стал ему объяснять, что иероглифы – древняя китайская письменность и никто, естественно, не собирается от нее отказываться. Ворошилов недовольно хмыкнул:

А я думал, что они уже давно перешли на нашу азбуку. Мы же вместе социализм строим: на одном языке легче разговаривать.

После этих слов Домогацких стало не по себе за дремучее невежество Ворошилова.

...За второй эпизод тоже пришлось покраснеть, испытать неловкость. В один из дней советская делегация выехала в сельские районы Китая. Проезжали мимо рисовых плантаций. Местные крестьяне вместе с солдатами убирали урожай. Гид пояснил:

Наша доблестная армия помогает сельским труженикам.

Ворошилов пробурчал:

Знаем, какая у вас доблестная армия, если бы не мы, японцы бы вас задавили.

Гид все понял и быстро отвернулся к окошку машины. Домогацких стал лихорадочно подсчитывать в уме, сколько дней осталось до отъезда Ворошилова из Китая, уж быстрее бы заканчивался этот злополучный визит...

Многих читателей «Правды» интересовало, почему мы так щедро помогаем странам третьего мира, а у самих проблем невпроворот.

Думаю, что это не совсем правильная политика, – откровенно признавался Михаил Георгиевич. – Агитировать за наш строй и наши идеи надо хорошей жизнью своих людей.

А что с Китаем, с Вьетнамом, Лаосом? Что там интересного, ценного для вас?

Домогацких отвечал обстоятельно, приводя множество примеров, фактов, различных эпизодов из своих поездок по этим странам.

– Пока там царит еще бедность. Причина – в постоянных войнах, межэтнических конфликтах, в нестабильности режимов, – подвел итог Михаил Георгиевич. – Но пройдут годы и, я уверен, обстановка в этих регионах изменится к лучшему. Порукой тому – трудолюбивый, работающий народ. Особенно, конечно, большой потенциал у Китая. В недалеком будущем он обязательно заявит о себе как о великой державе. Нам, видимо, придется у него многому учиться. (Домогацких оказался реальным провидцем: не прошло несколько десятилетий и Китай стал второй мировой державой, а по некоторым показателям и первой. Вот, что значит, когда у власти и народа единая цель, тогда все проблемы они, как правило, успешно решают. – А.В.)

Были и шуточные вопросы. Один из присутствующих неожиданно спросил у Домогацких:

Михаил Георгиевич, по долгу своей работы я часто бываю в командировках, иногда прихожу поздно домой, жена, естественно, недовольна, ругается, дело доходит до брани. Как мне ей по-китайски ответить, чтобы она не артачилась?

Матерно, что ли?

Конечно.

Китайцы, с кем мне приходилось встречаться, чаще ругаются по-русски. Наш мат в этом плане интернационален.

Женщина из первого ряда поинтересовалась:

Если китаец изменит своей жене, она бежит жаловаться в местный партком?

– Не припомню таких случаев, – улыбнулся Домогацких.

Трудно ли было учиться в Пекинском университете?

Да, – откровенно признался Михаил Георгиевич.

А сколько вы языков знаете?

Семь.

Такие общения видного журналиста с простыми людьми, конечно, приносили дополнительный авторитет «Правде», расширяли круг ее читателей, а мне было вдвойне приятно и за своего знаменитого земляка, и за свою ставшую уже родной газету.

Михаил Георгиевич был не только одаренным журналистом, но и вдумчивым, серьезным писателем. Переезжая из страны в страну, опытный глаз литератора замечал многое, что потом ложилось в основу очерков, рассказов, повестей и романов. Его книги публиковались в разных издательствах. Тематика их была самая разная. Так, очерки и путевые заметки о Китае и его людях стали основой сборника «Народ раздвигает горы».

Долгие годы не давали покоя воспоминания о Великой Отечественной войне. Отдавая должное ее участникам, братьям по оружию, Домогацких напишет «Повесть о десанниках» и «Особое задание».

Пять лет своей жизни Михаил Георгиевич отдал Африке. Где он только не бывал: в Египте и Эфиопии, в Кении и Конго, в Уганде и Танзании. И как результат этих поездок из под его пера вышли книги: «Джамбо, Африка», «Далекое созвездие», «Пылающее копье».

Очень длинной была командировка в Юго-Восточную Азию. Он посещал Индонезию и Малайзию, Вьетнам и Бирму, Сингапур и Камбоджу. Вскоре увидели свет его «Ожерелье экватора», романы «Южнее реки Бенхай», «Гроза на экваторе», «Пропавший в джунглях».

Михаил Георгиевич – заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии журналов «Огонек», «Новое время», «Знамя». Один из старейших сотрудников «Правды»: 38 лет проработал в этой легендарной газете, причем 29 из них был зарубежным собкором.

Его коллега из «Комсомольской правды», гордость нашей журналистики Василий Михайлович Песков так вспоминал о нем:

«Михаил Георгиевич Домогацких был замечательным человеком – умным, добрым, талантливым. Прожил жизнь долгую и интересную. Много в ней успел сделать... Мы, выросшие на воронежских и липецких черноземах, можем гордиться таким земляком».

Губарев Владимир Степанович

Шел 1986-й год. Как-то мне позвонил из Москвы сотрудник отдела корреспондентской сети и радостно сообщил:

Старик, для тебя приятная новость: за хорошую работу редколлегия наградила тебя поездкой в Швейцарию.

Шутишь? – удивился я.

Вполне серьезно. Поедешь вместе с Губаревым. Так что, до встречи.

Я знал, что каждый год редколлегия отмечает лучших соборов заграничными командировками. Вася Покровов из Волгограда, например, побывал в Италии, Марлен Крюков из Ростова – во Франции. И вот, оказывается, теперь моя очередь. Делегации правдистов, как правило, состоящие из двух человек, ездили в основном на праздники братских прогрессивных газет «Унита», «Юманите» и других. В Москве, оформляя визу, узнал, что мы с Губаревым отправляемся на традиционный праздник газеты «ВО реальности» (Швейцарская Партия труда) и нам еще предстоит встреча с ее Генеральным секретарем А. Маньеном.

До этого я никогда не был за границей, и поэтому поездка за пределы страны, тем более в такую интересную, загадочную для меня Швейцарию, была, конечно, значимой, любопытной. К тому же приятно было осознавать, что вместе со мной будет довольно известный в научных кругах журналист и писатель Владимир Степанович Губарев, который долгие годы освещал проблемы космонавтики, дружил со многими космонавтами, рассказывал об их полетах. Он уже был автором нескольких книг по этой тематике. И еще один важный поворот случился в его судьбе: Губарев был в Чернобыле сразу же после аварии на атомной станции. Оттуда, из радиационного пекла, настоящего атомного котла Владимир Степанович давал материалы в «Правду». Я их, как думаю и миллионы людей, читал взахлеб, поражаясь мужеству этого журналиста. Теперь, будучи с ним бок о бок две недели, я мог подробно его обо всем расспросить. Владимир Степанович оказался на редкость душевным, добрым человеком, удивительным рассказчиком.

Пока летели из Москвы в Женеву, я наседаю на Губарева с расспросами о Чернобыле. Это был ноябрь 1986 года, а катастрофа на АЭС случилась в апреле того же года. Рана была свежая, поэтому хотелось из первых уст узнать многие детали. Владимир Степанович с горечью поведал, что чернобыльская трагедия выявила, с одной стороны, лживость власти, когда о радиации сначала пытались замолчать, считая, что ничего страшного не произошло, и даже провели в Киеве первомайскую демонстрацию, а из зараженной зоны не торопились вывозить жителей. С другой стороны, показала решимость, настоящие героизм простых людей, готовых, не считаясь с опасностью, ликвидировать эту аварию.

Понимаешь, поражаюсь трусливости многих чиновников из Москвы, Киева. Каждый из них пытался отмахнуться, спихнуть решение многих проблем на других лиц.

В материалах Владимира Степановича, опубликованных в «Правде», была боль за случившееся, крик души о том, как на разных уровнях управления атомной станцией допускались просчеты, халатность, а то и просто преступное равнодушие. Беседы с рабочими и специалистами АЭС, с учеными, партийными и хозяйственными руководителями показали всю масштабность трагедии. Все эти впечатления невозможно было втиснуть в рамки острых статей, корреспонденций, репортажей. И Губарев, не откладывая дело в долгий ящик, начал писать пьесу. Назвал ее «Саркофаг», акт за актом, действие за действием из под пера талантливого журналиста, тонкого и умного наблюдателя, вышло полноценное художественное произведение, в основе которого лежали конкретные события, только что происшедшие на Чернобыльской АЭС. Пьесу быстро напечатали, ее ждал ошеломляющий успех. Она была переведена на многие иностранные языки. За ее постановку взялись одновременно 56 теат-

ров в разных странах. В считанные месяцы Губарев стал знаменитым драматургом. В Великобритании пьеса была отмечена театральной премией имени Лоуренса Оливье...

Женева встретила нас теплым ласковым солнцем. И несмотря на середину ноября, пришлось снять пальто. Праздник газеты «ВО реалите» состоялся в большом дворце спорта, проходил он весело, шумно. Заключительный концерт фестиваля продолжался ни много ни мало, аж 12 часов. Речи журналистов, политических деятелей, бизнесменов сменялись яркими номерами артистов. Особенно тепло было встречено выступление ансамбля русской песни и танца «Лель». Большим вниманием пользовались экспозиции газет из разных стран, в том числе и нашей «Правды».

Успех нынешнего фестиваля в том, что в его программе – обсуждение актуальных проблем, стоящих как перед нашей партией и Швейцарией, так и перед всеми людьми планеты, – сказал, выступая на заключительном митинге, Генеральный секретарь Швейцарской партии труда А. Маньен. – Это судьба мира, борьба за прекращение испытаний ядерного оружия, избавление человечества от угрозы уничтожения.

Думается, что любого человека знакомство со Швейцарией, такой крохотной, уютной страной в окружении альпийских гор в центре Европы, всегда впечатляет. Я с жадностью и с каким-то необыкновенным пристрастием всматривался в чистые города, маленькие, утопающие в зелени селения, в древние замки, на фронтоне которых выбиты даты их основания – XI – XII века, наконец, знакомясь с разными людьми, их бытом, их культурой, их языками (здесь официально признаны французский, немецкий, итальянский), невольно приходишь к естественному выводу: вот так и обязано жить все население планеты: в согласии и взаимопонимании. Распри должны уйти в прошлое. Человечество за свою кровавую трагическую историю, пройдя через сотни войн, революций, переворотов, выстрадало спокойствие и благополучие.

А что по этому поводу думают сами швейцарцы? – поинтересовался я у Армана Фореля, президента Ассоциации по развитию культурных связей между Швейцарией и СССР, членом ЦК Партии труда.

К сожалению, люди боятся будущего, – горестно вздохнул мой собеседник. – Чтобы дать им уверенность в завтрашнем дне, надо прежде всего уничтожить ядерные арсеналы. Только тогда люди смогут жить в мире и спокойствии. Хочу верить, что мои дети – двое сыновей и дочь – не узнают ужасов термоядерной войны.

Арман Форель – врач, из династии медиков. Его дед Огюст-Анри был крупным специалистом в энтомологии, с мнением которого считались ведущие медики многих стран. Отец Армана – Оскар Форель – также занимался врачебной практикой. Но не только привязанность к медицине отличала эту династию. Все три поколения Форелей вели активную общественную жизнь. Их всегда волновали судьба своего народа, судьба Швейцарии. Дед еще до Первой мировой войны вступил в социал-демократическую партию, отец во время Второй мировой войны был связным французского движения Сопротивления. Сам же Арман уже более 40 лет назад связал свою жизнь со Швейцарской Партией труда.

Лечу тело и душу человека, – Арман Форель улыбается в усы. Потом добавляет. – Не думайте, что медицина далека от политики. Как врач утверждаю: неврозы и неврастения, апатия у моих пациентов вызваны страхом, неуверенностью в будущем. Угроза ядерной войны влияет на каждого человека. Авторитет любой партии зависит от ее программы борьбы за мир. Вот почему мы в работе нашей партии мы уделяем больше внимания этим проблемам.

Вы прожили довольно долгую жизнь. Какой день вы считаете самым счастливым?

Арман Форель задумался, потом начал неторопливо рассказывать:

День, когда завершилась грандиозная Сталинградская битва. В то время в каждой швейцарской семье следили за ней. Я понял тогда: фашизм несет человечеству смерть и раз-

рушение. Мое место среди тех людей, кто ненавидит нацизм и борется с ним. Этот шаг стал поворотным в моей дальнейшей жизни... Я расклеивал листовки, которые призывали бороться с фашизмом, в которых сообщалось о положении на Восточном фронте, совершал переходы через Альпы, чтобы по заданию нашей партии доставить оружие итальянским партизанам. Меня арестовали. И когда об этом сообщили отцу, он был удивлен – не знал, что я такой политик. А потом понял: по другому я поступить не мог. После войны избирался депутатом парламента. Это взбесило правых: началась травля. Против меня и других активистов Партии труда возбуждали судебное дело по обвинению в экономическом и политическом шпионаже «в пользу восточно-европейских государств». Но, как и следовало ожидать, этот сфабрикованный процесс с позором провалился.

Пожалуй, трудно найти в Швейцарии столь же популярного человека, как вы, – заметил я. – Это не комплимент – реальность. Чем вы объясните свою известность?

По моим подсчетам, я за свою жизнь осмотрел более 40 тысяч больных. Долг любого врача – помочь пациентам избавиться от их недугов. Долг любого политика гораздо шире – помочь целой планете избавиться от термоядерного ужаса, не допустить исчезновения рода человеческого и всего живого на Земле. На мой взгляд, люди с уважением относятся к тем, кто не замыкается в «скорлупе», кто думает не только о себе, но и обо всех.

Как думаете, меняется что-либо сейчас в политическом мышлении на Западе? – не удержался я спросить Фореля.

Трудный процесс, но все-таки происходят изменения в лучшую сторону. В последнее время на арену политической борьбы все чаще выходит молодежь. Вспомните марши мира, движение антиглобалистов, зеленых, прокатившихся по многим странам Запада. К сожалению, в большинстве случаев эти движения подавляются. Официальные власти усматривают в них угрозу своим интересам и стараются всяческим помешать. Пытаются убедить молодых, что борьба против угрозы ядерной войны и других бед ничего, дескать, хорошего не даст, лучше позаботиться о себе, и сеют опасные иллюзии о том, что любой чистильщик обуви может стать миллионером, а пастушка может выйти замуж за прекрасного принца. Внушается, что человек в современном мире может выжить, будучи изолированным от других. Это тактика уловок, обмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.